

Т.А. Дегтерева

Пути развития современной лингвистики

II

МОСКВА • 1961

Т. А. ДЕГТЕРЕВА

ПУТИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

Книга первая

ПУТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является первой частью труда, посвященного развитию проблематики современного языкознания. В основном движение лингвистической мысли в XX столетии показывается на материале многогранной и разносторонней исследовательской деятельности советских лингвистов, так как марксистская основа советского языкознания дает наиболее результативные возможности решения многих принципиально важных проблем современной науки о языке.

Первая и вторая книги посвящены разработке наиболее существенных вопросов индоевропеистики. Центральными проблемами первой книги являются проблема становления индоевропейского строя речи и выявление этноязыковых группировок, в той или иной форме принявших участие в выработке указанной языковой системы. В процессе определения разных этнолингвистических компонентов древнего облика индоевропейского языкового строя выявляется исходная территория возникновения и распространения индоевропейских народов.

Во второй книге будут рассматриваться проблемы сравнительно-исторической этнолингвистики, способствующие более конкретной характеристике этноязыковых отношений в Юго-Восточной Европе в эпоху завершения процесса обособления языковых группировок внутри индоевропейской семьи языков.

Современное языкознание не исчерпывается, однако, индоевропейской проблематикой. В лингвистическом плане XX век выступает как век общего языкознания. Поэтому третья и четвертая книги будут посвящены структурализму и общезыковедческим проблемам. Это позволит развернуть более полную картину современного развития лингвистических учений, а также выявить достижения и обнаружить пробелы и подлежащие устранению слабости современного языкознания.

Хотя данная книга является первой частью общей работы, она все же представляет собой по своему содержанию законченное целое. По существу анализируемых и решаемых в ней вопросов данная работа фактически является самостоятельным исследованием в двояком плане: с одной стороны, выявляются продуктивные идеи в трудах советских и отчасти зарубежных лингвистов, способствующие решению главных проблем индоевропеистики, а с другой стороны, собираются и интерпретируются самые языковые факты под определенным углом зрения. Нам представляется, что именно такой метод рассмотрения материала дает возможность наиболее убедительно и теоретически эффективно защищать общую материалистическую концепцию в решении сложных вопросов индоевропейского и общего языкознания.

ВВЕДЕНИЕ

Современное языкознание характеризуется большим разнообразием методов и приемов анализа языковых фактов. Этот анализ имеет целью дать новое решение проблемам, которые в XIX веке в силу недостаточности научно обработанного лингвистического материала и односторонности тогда всецело господствовавшего сравнительно-исторического метода решались неверно или вообще не решались. Некоторые же из проблем современного языкознания возникли лишь в последнее время и были не известны языковедам прошлого столетия.

Несмотря на все разнообразие теоретических установок и многоликость языковых концепций, современная лингвистика во всех своих вариантах выросла на почве, обработанной поколением языковедов, которых в истории лингвистической мысли принято именовать младogramматиками. Именно младограмматики 70-х годов прошлого века явились создателями фундамента, на котором стало возможным построение сколько-нибудь серьезных лингвистических теорий современности. И как бы ни критиковали лингвисты XX века младограмматическую школу в языкознании, они не могли и не могут развивать собственные концепции языка, не могут ставить и решать важные проблемы в области науки о языке, не опираясь на достижения младограмматиков по сбору и систематизации языковых фактов. Даже так называемый атомизм этой систематизации, то есть рассмотрение каждого языкового явления в изоляции от других явлений языка, вне зависимости от системы языка в целом, даже этот атомизм способствовал в свое время решению многих вопросов языкознания с новых лингвистических позиций, так как он позволял навести нужные языковеду-исследователю справки фактического порядка с наименьшей затратой времени.

Младограмматизм давно уже не существует как действующее направление в лингвистике. Однако характерно, что односторонняя полемика с младограмматиками продолжается и сейчас. Так, например, одна из интереснейших школ современного языкознания — итальянская неолингвистика в 1947 году сочла необходимым выступить в лице Бонфанте со статьей в американском журнале «Language», в которой младограмматическая концепция языка подвергалась ожесточенной критике, и в противовес младограмматическим взглядам и методам с большой страстностью выдвигались основные теоретические положения так называемой ареальной (пространственной) лингвистики итальянцев¹. В этом же журнале американский компаративист Э. Стертевант в полемике с Бонфанте с меньшей энергией берет под защиту сравнительно-исторический метод и главные положения младограмматической теории языка, в частности тезис о целесообразности реконструкции отдельных элементов индоевропейского языка-основы при строго научном и точном учете звуковых законов².

Несколькими годами раньше один из зачинателей копенгагенского структурализма — Виго Брендаль в программной статье точно так же начинал с изложения сущности младограмматической теории, с тем чтобы более выпукло осветить то новое, что намеревался осуществить структурализм в лингвистике³.

С критического анализа младограмматической системы лингвистических воззрений начинало каждое или почти каждое современное направление в языкознании, иногда сознавая, но большей частью не сознавая своей преемственной связи с объектом критики. А преемственность между младограмматическим учением о языке и любым серьезным направлением современного языкознания не следует недооценивать, так как младограмматическое понимание сущности и процессов развития языка и младограмматическая система приемов научного анализа языковых фактов — все это не просто отличительная особенность одной из многочисленных школ или

¹ Guillianio Bonfante. The Neolinguistic Position. „Language“, 1947, N 4.

² Edgar H. Sturtevant. Hittite and Areal Linguistics. „Language“, 1947, N 4.

³ „Acta Linguistica“, 1939, vol. 1, f. 1.

течений, а необходимый этап в формировании языкознания как самостоятельной науки. Поэтому не случайно, что одним из наиболее эффективных мероприятий по оздоровлению советского языкознания, намеченных в ходе открытой дискуссии на страницах газеты «Правда» в 1950 году, явилась концентрация внимания на сравнительно-историческом методе и на младограмматических приемах анализа языкового материала. Некоторый возврат к младограмматическим позициям был необходим для должного разбега на пути развития советской лингвистической мысли, развития, которое с 1953 года приняло бурные темпы и дало за короткий срок значительные результаты в теории и практике изучения языка.

Достижения младограмматического периода в развитии лингвистики были столь большими, что они заложили прочный фундамент для здания современной науки о языке во всех ее проявлениях. Поэтому рассмотрение современной лингвистической проблематики и методов исследования фактов языка невозможно без предварительной ориентировки в младограмматической системе приемов исследования, без ознакомления с кругом основных проблем языкознания указанного этапа. В силу этих причин мы и начинаем исследование состояния нашей современной языковедческой мысли с анализа решающих моментов в младограмматической концепции языка.

Глава первая

ГЛАВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ МЛАДОГРАММАТИЧЕСКОГО ЭТАПА

Младограмматический этап в развитии языкознания начинается в 70-е годы прошлого века и охватывает период примерно в 50 лет. Первым очагом младограмматической мысли явился Лейпцигский университет, где работала группа лингвистов — Карл Бругманн (1849—1912), Герман Остгоф (1842—1907), Герман Пауль (1846—1921), Аугуст Лескин (1840—1916), Бертольд Дельбрюк (1842—1922) и другие, — выступившая с работами, в которых высказывались взгляды, принципиально отличные от языковедческих воззрений предшествовавших поколений лингвистов.

Система лингвистических построений этого, так называемого третьего поколения представителей сравнительно-исторического языкознания характеризовалась прежде всего индивидуалистическим психологизмом в интерпретации явлений языка и осторожностью односторонних эмпириков в обобщениях и выводах. Усилия младограмматиков были последовательно направлены в первую очередь на пополнение запаса обработанных лингвистических фактов и на скрупулезно тщательную систематизацию этих фактов в плане исторического сравнения. В области теории младограмматики допускали только обобщения частного порядка, причем строго на базе фактического материала. Из больших общетеоретических проблем младограмматики ставили только проблему сущности языка. В трактовке этой проблемы они решительно порвали с господствовавшей тогда биологической концепцией языка, провозгласив тезис о языке как проявлении индивидуальной психики человека и о

лингвистике как культурно-исторической науке. И хотя язык, с точки зрения младограмматиков, создается в процессе духовных проявлений отдельного человека самостоятельно и независимо от деятельности других индивидов, он, однако, выступает и как средство общения и как средство закрепления и передачи языковых достижений от поколения к поколению. Поэтому языку присущи не только качества чисто духовного порядка, но и физическая материя. «Чтобы вызвать возникший в психике одного индивида соответствующий комплекс представлений в душе другого индивида, — говорит Герман Пауль, — индивиду не остается ничего другого, как с помощью двигательных нервов произвести физический продукт, который со своей стороны путем возбуждения чувственных нервов другого индивида вызывает в душе последнего соответствующие представления, и именно ассоциирует их соответствующим образом. Важнейшими из физических продуктов, служащих данной цели, являются как раз звуки языка»¹.

Следовательно, язык, представленный как объект изучения, материален и вполне доступен для тщательного и точного наблюдения. Теоретические положения языкознания должны вытекать из наблюдения реальных материальных фактов языка, и все то, что выходит за рамки этих фактов, должно быть отброшено как бездоказательное. По мнению младограмматиков, в науке о языке нет места для таких проблем, как процессы возникновения человеческой речи, грамматических формантов, так как эти проблемы могут решаться только на догадках и домыслах, без подтверждения фактами. Данные процессы относятся к периодам, которые не могли иметь письменной фиксации языкового материала и в силу этого не сохранили фактического отражения развития первоначальных элементов языка.

Таким образом, проблемы глоттогонического содержания отвергались младограмматиками как проблемы, для решения которых нет языкового материала, способного подтвердить правильность теоретических предположений. Языкознание провозглашается ими точной наукой, которая оперирует фактами, история которых тщательно проверена. Только на основе достоверных факти-

¹ Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, 1920, S. 14.

ческих данных лингвист имеет право делать те или иные выводы. Младограмматики строго придерживаются этого принципа в работе, достигая в частных обобщениях лингвистического материала большой четкости, последовательности в изложении, математической точности и обоснованности аргументации. Младограмматический стиль в исследовательской работе находит широкое распространение в европейских странах уже в 70-х и 80-х годах XIX века и приносит науке значительные положительные результаты.

Одним из таких результатов явилось детальное выявление звуковых изменений в истории каждого индоевропейского языка. Считая, что любой языковой факт может и должен рассматриваться в науке только в развитии, и ставя себе целью реконструкцию отдельных индоевропейских корней и грамматических форм, младограмматики пришли к осознанию необходимости тщательного исследования закономерных звуковых изменений в процессе развития изучаемой языковой группы. Только учет звуковых закономерностей в развитии индоевропейских языков мог гарантировать абсолютную точность реконструкции каждой отдельной праформы.

В этом плане эпохальной работой явилась небольшая по объему статья датского лингвиста Карла Вернера (1846—1896) «Исключение из первого передвижения согласных». В этой работе Вернер анализирует случаи отклонения в перебое согласных внутри так называемых сильных глаголов в германских языках. Он с математической точностью и неуязвимой логикой доказывает, что из регулярного появления дифференциации звука в парадигме спряжения большой группы глаголов следует сделать вывод, что дифференцирующий момент нужно искать в определенном фонетическом отношении, которое, варьируясь, сопровождало спряжение. Дифференциация звуков происходила уже после перебора согласных и поэтому она является чисто германской, но побудительный момент к этой дифференциации должен быть древнее, то есть относиться к ступени общиндоевропейского развития. Причем ясно, что этот побудительный момент, причина дифференциации, не мог находиться в звуковой материи окончаний. Об этом свидетельствует тот факт, что исход основы инфинитива был одинаковым с исходом основы партиципа, и все же перебой соглас-

ных в этих формах был разным. Причиной дифференциации не могли быть также и количественные соотношения звуков в корне, так как глухие фрикативные появляются как при долгом, так и при кратком корневом гласном, то же самое можно сказать и о звонких взрывных. Отпадала также и редупликация как возможная причина звуковой дифференциации, ибо она является грамматическим средством глагольной системы, а дифференциация наблюдается и в именах существительных, не связанных с глаголами по своему происхождению. Таким образом, оставалось только одно объяснение, а именно: «дифференциация должна основываться на четвертом грамматическом элементе спряжения, а именно на варьирующемся индогерманском акценте»¹.

И Вернер для подтверждения этого своего тезиса ссылается на соответствия в древнеиндийском языке: там, где в санскрите ударение падает на корневой слог, в германском языковом комплексе в соответствующей форме появляется глухой фрикативный звук, а там, где ударение в санскрите падает на окончание, германские формы обнаруживают звонкие взрывные в исходе корня.

Здесь Вернер делает очень важное открытие для сравнительной грамматики индоевропейских и особенно германских языков. Он устанавливает, что общегерманский язык-основа имел свободное индоевропейское ударение еще и после начала действия германского перебоя согласных.

Однако дело в данном случае не в самом открытии, а в принципах методики исследования, в логической строгости научной аргументации. Вывод, явившийся формулировкой важного звукового закона в развитии германских языков, вытекал с логической неизбежностью из сопоставления самих языковых фактов и не мог быть опровергнут. Это создавало уверенность в том, что в лингвистике можно достигнуть результатов, математическая точность которых вполне оправдывала бы существование сравнительно-исторического языкознания как самостоятельной науки.

¹ „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, 1877, Bd. 23, S. 109.

Работа Карла Вернера явилась образцом, которому следовали другие лингвисты. Индоевропеисты открывали один звуковой закон за другим. Этим звуковым законам младограмматики придавали исключительно большое значение, считали их единственной и притом всегда имманентной формой развития звуковой материи языка, стихийность развития которого упорядочивалась лишь действием аналогии, фактора психического. Такое сузженное, однобокое понимание процессов языкового развития являлось, бесспорно, одним из крупных недостатков младограмматической теории языка. Тем не менее проделанная младограмматиками работа за 50 лет существования этого направления в языкознании имеет большое значение. Звуковые законы, открытые младограмматиками, представляют собой существенные опорные пункты для сравнительно-исторического анализа лингвистических данных. Без знания и учета этих законов невозможно заниматься решением лингвистических проблем, требующих подобного анализа,

Второй важной работой, оказавшей большое влияние на последующее младограмматическое и постмладограмматическое языкознание, явилась тоже небольшая по объему, но чрезвычайно важная по своим теоретическим выводам монография Иоганна Шмидта (1843—1901), посвященная проблеме родственных взаимоотношений между индоевропейскими языками¹.

Именно эта работа серьезно подорвала наивную веру лингвистов шлейхеровской школы в возможность реконструкции так называемого праязыка. Шмидт убедительно доказывает, что индоевропейский праязык является всего лишь научной фикцией, что в действительности можно проследить не единство, а лишь изначальную диалектную раздробленность индоевропейского языкового комплекса. Шмидт показал, что среди существенных признаков родства между индоиранской и европейской ветвями индоевропейской семьи языков имеются такие, которые свойственны только славянским и иранским языкам и не наблюдаются, например, в санскрите, или такие, которые свойственны индоиранским и славянским языкам, но чужды литовскому языку. Из этого факта

¹ Johannes Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1872.

Шмидт делает вывод, что языки, близко соприкасающиеся друг с другом в географическом отношении, имеют между собой больше общего, чем языки территориально более отдаленные. Таким образом, с точки зрения Йоганна Шмидта, территориальный фактор являлся связующим и передаточным звеном от индийских языков через иранские языки к славянским, а через последние к литовскому, благодаря чему славянский языковый комплекс содержит больше индоиранских признаков, чем литовский язык, а иранский языковый комплекс больше славянских признаков, чем санскрит.

Связь балтославянского единства велика и неразрывна не только с индоиранской группой языков, но также и с германскими языками. Шмидт показывает, что европейские, германские и индоиранские характерные особенности так тесно переплетаются друг с другом, что целый ряд явлений вызывается только благодаря их органическому взаимодействию и что имеются слова, форма которых не является ни полностью европейской, ни полностью индоиранской, а представляет собой результат двух перекрещивающихся течений¹.

Исходя из особого положения балтославянских языков, Шмидт делает заключение, что нет основания предполагать существование не только североиндоевропейского, но и общеиндоевропейского исходного языка. Чтобы подкрепить этот вывод, Шмидт не ограничивается анализом элементов североевропейской и индоиранской языковой общности, но проводит также исследование соотношения языковых общностей в южноевропейской группе языков. Точно так же и здесь он обнаруживает аналогичное состояние. Между индоиранскими и южноевропейскими языками нет границы. Греческий язык неразрывно связан как с индоиранскими языками, так и с латинским и итальянскими языками. Латинский язык в свою очередь является посредствующим звеном между греческим и кельтскими языками и германскими языками.

Проведенный анализ позволяет Шмидту сделать важный вывод: чтобы отразить родственные взаимоотношения индоевропейских языков в образе, делающем более

¹ Johannes Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, S. 15.

наглядным возникновение их различий, необходимо отказаться от идеи родословного древа языков. Вместо этой идеи Шмидт предлагает образ волны, которая распространяется концентрическими кругами, становящимися все более слабыми по мере своего удаления от центра. При этом не имеет значения тот факт, что индоевропейская языковая область не образует круга, а только лишь один сектор круга и что первоначальный язык был расположен не в центре, а, видимо, на окраине так называемой индоевропейской территории.

Область распространения первоначального индоевропейского комплекса, с точки зрения Шмидта, не имела изначально языковых границ внутри себя. Два территориально отдаленных диалекта этой языковой области, скажем А и Х, были связаны друг с другом посредством переходящих друг в друга вариантов В, С, D и т. д. Возникновение языковых границ на территории распространения индоевропейского комплекса Йоганн Шмидт объясняет тем, что тот или иной род или племя, которое говорило, например, на языковом варианте F, получило политический, экономический или культурный перевес по отношению к своему ближайшему окружению, благодаря чему близлежащие языковые варианты (G, H, I, K с одной стороны, и E, D, C — с другой) подавлялись вариантом F и им заменялись. В результате одержанной победы языковой вариант F граничил уже непосредственно с В с одной стороны и с L — с другой. Тем самым появлялась четкая граница между В и F и между F и L, и вместо нисходящей кривой плоскости образовалась ступень.

Отсюда само собой напрашивался вывод, что любая реконструированная форма не может рассматриваться как элемент индоевропейского языка-основы, а представляет собой языковой факт определенной, территориально ограниченной протяженности внутри индоевропейской языковой области. В силу этого конечным итогом работы сравнительно-исторического языкознания, по мнению Шмидта, может быть только реконструкция отдельных форм и слов, а всякая попытка их объединения в систему единого индоевропейского праязыка неминуемо обречена на провал как несостоятельная в научном отношении.

Младограмматическое направление полностью поддержало основные положения работы Иоганна Шмидта. В конце XIX века факт написания Шлейхером басни на индоевропейском праязыке казался уже забавным историческим анекдотом в области лингвистики. И если Хирт (умер в 1936 г.) внес поправки в текст этой басни, то сделал он это не потому, что верил в существование индоевропейского праязыка, а только для того, чтобы наглядно показать, как далеко продвинулось сравнительно-историческое языкознание в установлении звуковых законов и реконструкции индоевропейских праформ на основе новых достижений сравнительной фонетики.

Следует отметить, что теория И. Шмидта, условно именуемая теорией волн, оказала влияние не только на его современников. Она определила теоретические воззрения и стиль работы значительной части представителей современного сравнительно-исторического языкознания и особенно тех лингвистов, которые встали в оппозицию к младограмматическому направлению.

Так, известный австрийский лингвист Гуго Шухардт (1842—1927) получил от этой работы Шмидта значительные импульсы для развития своей системы взглядов на роль языкового смещения, как внешнего, так и внутреннего. Можно также сказать, что так называемая теория субстрата в значительной степени обусловлена в своем возникновении основными положениями шмидтовской теории волн. Ареальная (пространственная) лингвистика итальянцев, которая по существу занимается дальнейшей разработкой теории субстрата, обнаруживает значительную преемственность идей автора теории волн. Еще теснее с содержанием шмидтовской концепции развития языковых общностей связано ведущее направление в лингвистике Германской Демократической Республики — так называемая школа Фрингса, которая в учении о языковых пространствах и языковых центрах непосредственно исходит из идей Шмидта.

Н. С. Трубецкой, главный теоретик пражского структурализма (1890—1938), в своей работе «Мысли об индоевропейской проблеме» ссылается на теорию Шмидта и пытается найти ей применение не только в рамках индоевропейской семьи языков, но и в отношении контакта индоевропейских языков с неиндоевропейскими. Н. С. Трубецкой писал:

«Для определения того географического пространства, в котором мог произойти этот процесс возникновения индоевропейского строя, надо принять во внимание следующее соображение. Предложенная в свое время Иоганном Шмидтом так называемая «теория волн» применима не только к диалектам одного языка и к группам родственных языков, но и к соседящим друг с другом неродственным языкам. Соседние языки, даже не будучи родственны друг с другом, как бы «заражают друг друга» и, в результате, получают ряд общих особенностей в звуковой и грамматической структуре. Количество таких общих черт зависит от продолжительности географического соприкосновения данных языков. Все это применимо и к языковым семействам. В большинстве случаев языковое семейство представляет определенные особенности, из которых одни объединяют его с одним соседним семейством, а другие — с другим, тоже соседним. Таким образом, отдельные семейства образуют целые цепи»¹.

Опираясь, таким образом, на теорию Шмидта, Н. С. Трубецкой развивает далее свою весьма оригинальную и логичную теорию «цепного» географического расположения языковых семейств, согласно которой «индоевропейский языковой строй является связующим звеном между строем урало-алтайским и средиземноморским, и поэтому возникновение индоевропейского строя естественнее всего локализовать где-то между областью урало-алтайских языковых семейств, с одной стороны, и средиземноморских семейств, с другой»².

Влияние Шмидта на развитие современного сравнительно-исторического языкознания было большим и плодотворным. Помимо перечисленных выше, существует еще ряд направлений и отдельных лингвистов, которые находились или находятся под прямым или косвенным воздействием работы Шмидта. В дальнейшем, при рассмотрении отдельных направлений современного языкознания, нам придется неоднократно убеждаться в этом.

¹ Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 72—73.

² Там же, стр. 73—74.